

ДОКЛАД

Ираклий АНДРОНИКОВ, из воспоминаний "К музыке" ("Музична Україна", Киев)

ВСПОМИНАЮ ОБУХОВУ

Вспоминать Надежду Андреевну Обухову?! Но можно ли вспоминать, когда помнишь ее всегда? И даже не помнишь, а существуешь с чувством, что она была, есть и будет, что искусство ее не пройдет никогда. И чем дальше отодвигается время, тем все большим кажется это явление – Обухова. Ибо она великая певица нашего времени, а, следовательно, принадлежит и будущему.

Сохранились записи ее голоса – пусть малой части того, что она пела, но сохранились. Слышим мы этот голос, услышат и грядущие поколения. Так надо ли пытаться передать ее пение словами, коли его можно послушать?

Но так уж устроен человек, что хочется ему поговорить о том, что дорого ему, без чего он не может жить, хочется разделить восторг свой с другими, сказать, что для него значит голос Обуховой, каждое дыханье ее, каждое произнесенное ею слово в арии или романсе. И раз так устроен человек – возьму и попробую.

Когда я еще не так давно читал книги, письма, воспоминания людей XIX столетия, их рассказы про слезы восторга, которые они проливали при звуках песни, эти слезы казались мне преувеличенными художественного характера или же данью времени, воспитанию. Я понимал, что можно прослезиться в театре, переживая трагическую коллизию; можно прослезиться в балете – на "Жизели" с Улановой. Но прослезиться от романса, от песни... Мне казалось, что описанное в тургеневском рассказе "Певцы" или слезы, исторгавшиеся при исполнении цыганских романсов, – все это отошло в прошлое. Что ж! Удивительного тут нет: меняются представления, вкусы, меняются человеческие реакции.

Нет, я ошибся! Когда Обухова пела в зале Всероссийского театрального общества – это было в 1956 году – пела "Не пробуждай воспоминанья минувших дней, минувших дней", стояла на сцене свободная, вдохновенная, строго-простая, взволнованная и внешне спокойная, я почувствовал, что в глаза кольнуло что-то горячее, промокнул пальцем край века и украдкой, чтоб посмотреть, не заметил ли кто-нибудь моей слабости (я сидел в первом ряду), обернулся – я увидел: весь зал прослезился... И сидели все с такими прекрасными, просветленными лицами, что стало ясно: ничто никуда не ушло. Все в нас, если есть та степень совершенства в искусстве, когда не пение одно, не голос, не манера исполнения, не артистизм, а нечто большее, – когда и пение, и личность, и судьба, и характер, натура, искусство, вера в него и готовность к свершению подвига во имя него, полное сосредоточение всех сил души, без остатка, священнодействие в душе, простота, величайшее бескорыстие, любовь к тому, о чем поешь, и к тому, кто создал, и к тому, кто тебя слушает, чувство величайшей самоотдачи, самоожжения в пении, отрешенность от всего временного, житейского, преданность величю минуты, которые потрясают не только слушателей, но и ее самое – певицу, – вот что открывалось тогда, в том концерте, и в тех, когда она пела незадолго до смерти в квартире А.В. Неждановой, и в Большом зале консерватории, и в зале Дома писателей, и в дни войны в редакции "Комсомольской правды", и в спектаклях Большого театра, – во всех решительно залах, где Надежда Андреевна пела одна и пела вместе с другими, и в общих концертах, и сама собою, и в отдельных...

Что это было?

Не знаю! Величайшие минуты, которые на всю жизнь стали путеводителями, убеждением в том, что подлинное совершенство возможно и что рождается оно в таких вот концертах. И воспоминания о них не убывают ни в силе, ни в яркости от того, что к ним возвращаешься как к истоку самых светлых, высоких чувств, от того, что к ним прибегаешь как к заклинанью...

В чем же эта сила Обуховой, ее воздействия на людей? Голос? Да, голос, проникающий в самые глубины души, ранящий, как всякое слишком сильное чувство. Но, может быть, глубочайшее проникновение в ту музыку, которую она исполняет? Да, и в этом отношении у нее мало соперников, ибо она – не просто пе-

"На заре ты ее не буди" – подняты ею до высочайших вершин лирики, неповторимой, неподражаемой, ибо это поэзия в высшем ее значении, соседствующая трагедией и выражающая все разнообразие и всю глубину человеческих чувств.

Вот что радовало и печалило душу, когда задумчиво и спокойно, словно не в концертном зале, а наедине с собой и словно для себя она пела "Нам звезды кроткие сияли..." и страстное воспоминание, обращенное к кому-то неведомому, но уже облагороженному этой силой чувства, потрясло нас в эти краткие, но вместившие целую жизнь минуты!

Она умела соединять в одной ноте страдание, вкрадчивость и призыв: ее голос способен был в одном звуке выразить и покорность, и страстность, мягкость и кротость, увлеченность и целомудренность. И всегда был голосом очень русским, за которым открывались ассоциации с русской природой, и русским национальным характером, и с русской поэзией, и песней, и русской историей. И никогда он не бывал похож на прежнее свое воплощение, как не похожи по страсти, по интонации, по манере произносить слова, по характерам, по национальной своей принадлежности Любаша Обуховой, ее Кончаковна, ее Амнерис, ее Кармен, героиня в "Элегии" Массне и та, от чьего имени поется "Утро туманное, утро седое".

Вслушиваясь – ничего нет эффе́ктного; броского в ее пении. Оно до предела просто. Но значительность каждой фразы ее, ее органичность, душевность ее таковы, что потрясают величайшей верностью совпадения замысла поэта с замыслом композитора и ее – исполнительницы, верностью духу времени, о котором он поет, и духу времени, для которого песня поется... И каждый раз – знакомы слова и мелодии, но каждый раз они вызывают в нас чувства душевного очищения, чувства возвышенные, стремительные, увлекающие, желание совершить что-то большее и благородное.

Я бы сказал: Обуховой в высшей степени свойственно интуитивное чувство меры... нет, точнее... Ей свойственно, как мало кому в искусстве, великое интуитивное чувство еле заметного преувеличения меры, оез которого в искусстве нет праздника. Говорю, а сам слышу:

Нет, только тот, кто знал

Свиданья жажду,

Поймет, как я страдал

И как я стражду...

Голосов, и прекрасных голосов, и певцов прекрасных много на свете – они были, есть, будут. Они увлекают, приводят в восторг, доставляют неизъяснимое наслаждение. Пока вы их слышите! А в воспоминании радуют! Голос Обуховой потрясает. Даже в воспоминании! Он живет в сердце и в памяти, как поэзия, как сама музыка! И когда слышится, словно сквозь сон, в сутолоке будничных дней: "О, засни, мое сердце, глубоко...", собственное твоё сердце испытывает судьбу того сердца и ее сердца. И в этом великом слиянии многих сердец – сердца певицы и ее восхищенных слушателей – и таится, наверное, непостижимая загадочность очарования Надежды Андреевны. Бывают в юности состояния, когда музицирование превращается в переполняющее душу чувство радости, граничащее с чувством страдания. Обухова дарит вам эту юношескую горячность от того часа, когда вы впервые услышали ее пение, до последней минуты жизни!

Моск. майбда. – 1998. – 13 февр. – с. 12.